

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 300 (III)

Июль

2007

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Демидова Т.А. Образные единицы в художественном тексте. Концептуальный анализ	5
Конончук И.Я. К вопросу о словообразовательной адаптации заимствованных слов в русском языке XVIII в.	8
Сахарова Е.В. Садово-парковый топос «Повестей Белкина» А.С. Пушкина в контексте развития русской повести первой трети XIX в.	11
Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории	15
Соколова О.В. Мортальный дискурс в неомодернизме («Разговор на расстоянии» Г. Айги и «Девять книг» В. Сосноры)	17
Стрельникова А.Б. Мотив как способ воплощения авторского сознания переводчика (на материале переводов Ф. Сологубом лирики П. Верлена)	20
Ярица Л.И. Функционирование точки в конце предложения в письменной речи студентов томских вузов	24

ФИЛОСОФИЯ

Агишева О.В. Город и его образ в мире политического	26
Жданова И.В. Проблемы модернизации геронтологической подготовки специалистов по социальной работе в высших учебных заведениях России	31
Кривошеев А.В. Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина	34
Огнев В.Н. Поствысшее образование в современной России: институциональные и мотивационные аспекты	38
Филиппова А.Б. Гражданские ценности как фактор образования	41
Юрьев Р.А. Тематизация проблемы идеологии в аспекте самообоснования, универсальности применения и описания	46

ИСТОРИЯ

Бабута М.Н. Факторы сохранения этнического самосознания украинцев в Канаде	49
Веселова А.П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор	52
Ижендеев А.Ю. Томский округ путей сообщения	55
Некрасов В.Л. Энергетический переход. Теоретико-методологические аспекты исследования	57
Полухин А.Н. Концепция месторазвития П.Н. Савицкого в исторической науке	61
Пучкина Ю.А. Коммунарское движение в Томской области в конце 1980-х гг. в контексте общественно-педагогического подъема	63
Соловьев П.В. Физкультурное движение в Томске в 1920–1930-х гг.: борьба за массовость	66
Шипилина Г.В. Демографическое развитие крестьянства Томской области в середине 1940-х – начале 1950-х гг.	69

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Беленюк Н.А. К вопросу об использовании аутентичных материалов в процессе обучения реальному общению студентов технического вуза	72
Радаева С.В., Шилько В.Г. Учебная и внеучебная формы физического воспитания студентов с использованием спортивно-ориентированных технологий	75

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	78
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	79

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 300 (III)

July

2007

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

LITERATURE STUDIES AND LINGUISTICS

Demidova T.A. Image units in fiction. The conceptions analysis	5
Kononchuk I.Ja. The word-formative adaptation of the borrowed words (loanwords) in the Russian language of XVIII	8
Sakharova (Zamyatina) E.V. Landscape topos in «Belkin's stories» of A. Pushkin in the context of Russian prose development in the first third of nineteenth century	11
Svecharyova J.V. About the word derivational potential as a linguistic category	15
Sokolova O.V. Mortal Discourse in Neoavant-Garde («Conversation on Distance» Aigi's, «Nine Books» Century Sosnora's)	17
Strelnikova A.B. The Motif as a Way to Reflect Interpreter's Consciousness (on F.Sologub's translations from P. Verlaine's Poetry)	20
Yaritsa L.I. The usage of punctuation marks in writing of language group	24

PHILOSOPHY

Agisheva O.V. The city and its image in the world of political	26
Zhdanova I.V. The problems of modernization gerontology education of social workers in the Russian higher school	31
Krivoshchev A.V. The action as a basis of fundamental ontology of M.M. Bakhtin	34
Ognev V.N. The post-higher education of modern Russia: institutional and motivational aspects	38
Philippova A.B. The Civil Values as a Factor of Education	41
Yuriev R.A. Thematisation of the problem of ideology in the aspect of universality of use, of the problem of self-foundation and of the problem of description	46

HISTORY

Babuta M.N. Factors of ethnic conscience preservation of Ukrainians in Canada	49
Veselova A.P. The historic practices of the research of the old Believer's family: historiographical review	52
Igendeev A.Y. Tomsk district of roads of communication	55
Nekrasov V.L. Energy change. Theoretical and methodological aspects of research	57
Poluhin A.N. The doctrine about mestorazvitiye of P.N. Savitskii in system of a historical science	61
Puchkina J.A. The communal motion in Tomsk region in the second half 1980-h years and its role in public-pedagogical development	63
Solovyev P.V. Physical culture in Tomsk in the 1920–1930 th years: fight for masses	66
Shipilina G.V. demography development of peasant population and its replenishment at Tomsk region in late 1940-s years	69

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Belenyuk N.A. The use of authentic materials for teaching speaking TPU ILC	72
Radaeva S.V., Shilko V.G. Educational and off educational forms of student's physical training with use of sports-oriented technologies	75

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	78
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	79

МОРТАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В НЕОАВАНГАРДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX века («РАЗГОВОР НА РАССТОЯНИИ» Г. АЙГИ И «ДЕВЯТЬ КНИГ» В. СОСНОРЫ)

Рассматривается мортальный дискурс на фабульно-сюжетном и тематическом уровнях. Постановка проблемы смерти отражает авангардную интенцию к максимальной свободе от любых дискурсов, которая выражается в существовании эстетического субъекта на грани жизни и смерти и связана с авторской саморефлексией о творчестве, о миссии поэта, о письме как разрушении.

В искусстве авангарда мортальный дискурс выражается в тотальном отрицании, в радикальной направленности на свободу, «перманентную революцию», выраженную в «динамике форм», деформации, самоуничтожении искусства как единственном способе его существования.

«Мортальный» происходит от лат. «mors, mortis» – «смерть; «mortalis» – «подлежащий смерти, смертный; тленный, бренный, преходящий, кратковременный; человеческий, земной» [1]. Разная семантика смерти закрепились в русском языке. Слово смерть (общеслав. съмръть) образовано с помощью приставки съ- в значении «свой, хороший» (сравн. сдоба, счастье) от мърть (сравн. санскр. mṛti – «смерть») – букв. «хорошая, естественная, своя смерть», в отличие от гибель, прекращение жизнедеятельности физического тела. Однокоренные слова, восходящие к лексическому субстрату «mr»: «мир» – «мироздание»: 1) «договор», «согласие», 2) «народ» («всем миром», «на миру и смерть красна»); 3) «мера» («справедливость» и «измерение»); 4) «умереть» – «мертвый» – «мор» [2]. В семантическое поле «смерти» входят также слова: гибель, уничтожение, разрушение, окончание, кончина, исчезновение, превращение, утрата. М. Хайдеггер, отграничивая «экзистенциальный анализ смерти от возможных других интерпретаций феномена», разграничивает следующие аспекты: «конец живого... околевание», «промежуточный феномен – уход из жизни», «умирание будет титулом для способа быть, каким присутствие есть к своей смерти» [3]. По С. Кьеркегору, семантика смерти неразрывно связана со «смертельной болезнью»: «Смерть обозначает крайнее духовное страдание, тогда как само выздоровление означает вместе с тем смерть для мира» [4]. Как для экзистенциальной, так и для неоавангардной интерпретации смерти оказываются значимыми процессуальность, пограничность, кульминация акта умирания.

Концепция смерти проявляется в эстетике неоавангарда в экзистенциальном аспекте. Человеческое существование – это присутствие, совместное «бытие-в-мире», которое противостоит миру повседневности. В «подлинном» существовании на первый план выступает осознанное «бытие к концу», или бытие к смерти. Смерть, по Хайдеггеру, это «способ быть, который присутствие берёт на себя», это возможность бытия, «достижения целостности присутствия» [3]. Неоавангард утверждает близкую к экзистенциализму концепцию времени: реально проживаемое время – «присутствие», в котором «компонентами данного мгновения выступают уже и составные части будущего...» [5]. В экзистенциальной концепции настоящее формируется под влиянием будущего, и смерть включена в текущую жизнь в качестве предельного момента подобного со-

ответствия; авангард оказывается «всегда впереди того, что он изображает или выражает, включая в структуру произведения моменты его последующей мыслительной деструкции» [6].

В неоавангарде второй половины XX в. актуален мортальный дискурс, он получил развитие в творчестве Г. Айги и В. Сосноры.

Проблема смерти интерпретируется в творчестве Айги на нескольких уровнях. Мировоззрение Айги формировалось в социокультурном контексте «поколения безотцов», которых подменили «лже-отцы от литературы» [7]. Утрата традиции, преемственности повлекла отрицание любых авторитарных дискурсов, стремление к тотальной свободе: «сбрасывание» лже-отцов «с парохода современности» как «естественный литературный... в достаточной мере “игровой” закон» [7]. Авангардистское отрицание традиций и отрицание категории реальности («экзистенциальная реальность... должна действовать в искусстве», проявлением которого является «сон») [8] воплощаются в футуристической направленности на деформацию и деконструкцию, с последующим преодолением бунта раннего авангарда, погружением в «первозданность» творческого акта.

Для Айги актуальна мортальная тематика: состояние между сном и явью, зима, ночь, тишина, умирание в стихотворении «Розы с конца»: «...и уступите вы место/ дальнейшему,/ уже незримому... и ради торжества которого/ заранее/ распад задуман/ и вашей белизны самой», он моделирует пограничный хронотоп: кладбище, поле, лес, зимнее, ночное время. Родо-жанровая специфика отражает интенцию к смерти: «И: через год (После гибели друга)» (1977); «Спокойно: огни подсолнухов (Памяти Валерия Ламаха)» (1981); цикл «Десять стихотворений (К воспоминаниям о Борисе Пастернаке), 1957–1965», в который входят стихотворения «Предчувствие реквиема»; «Стихи друга – теперь – без него», сборник «Отмеченная зима» (1982), определённый Айги как «завещание» и др.

Авангардистская концепция творчества как саморазрушения выражается через приём «остранения» и «затруднённости» художественных форм (верлибры, новая ритмическая разработка, «чистая глоссолалия»). На метатекстуальном уровне возникает рефлексия о поэтическом языке как особом коде смерти («поэзия – это и есть та связь, тот язык, на котором мы имеем дело со смертью и с Богом...» [9]). М. Бланшо обозначил его как творение, через которое «речь наделяет голосом сокровенность смерти» [10]. Приём деконструкции освобождает от вторичности, от чужого слова, восходит к манифестированному Айги принципу «первозданности» («О чтении вслух стихотворения «Без названия», состоящего из пауз), начинается с нуля, с точки

отсчёта. Дж. Янчек называет поэзию Айги «искусством молчания», «парадоксально молчащей поэзией» [11]. Понятия поэзии и смерти тесно переплетаются в эстетике Айги: «...поэзия... тесно связана с проблемой смерти... Она концентрирует, показывает, что такое слово перед жизнью, перед смертью, перед тем, что мы называем Богом, перед необъяснимой творящей силой в мире» [9]. Поэзия, по Айги, вне времени, она есть всегда, как «снег», она порождает собственный пространственно-временной континуум. Поэзия, как и смерть, становится пространством экзистенциального свободного выбора между растворением в «повседневности» и творчеством.

Смерть, по Айги, оказывается не деструктивным, а конструктивным началом, раскрывающим потенциал знака, деконтекстуализируя его, разграничивая означающее и означаемое.

Образ Б. Пастернака актуален для творчества Айги в контексте постановки проблемы уничтожения традиции, «сбрасывания» божества». Цикл «Десять стихотворений (К воспоминаниям о Борисе Пастернаке)» (1957–1965) сам Айги определяет как «завещание», вписывая в моральный дискурс. Жанр стихотворения «К предчувствию Реквиема» (1958) отражает траурную семантику текста. Ситуация физического, морального насилия («вас били в то время») переводится на текстуальный уровень («но – только себя отдирая от вас / а не нападая»). Пастернак в тексте воплощён не как физическое тело или личность, но как художественный язык, лирико-эстетический код, проникающий в чуждое пространство «das Men», людской глухоты. Смерть для поэта («тьма») оказывается категорией различных семантических пластов: «безъязыко-мертвящий» хаос как тотальная пустота и смерть как авангардное разрушение пространства ради дальнейшего творчества («заняты были не смертью самой: / ещё не матерьялом самим! / а только строительством / сферы для смерти / её подготовкой»). Атмосфера боя, выраженная в стихотворении («били», «бился», «завоёванное»), отражает авангардный пафос раннего периода творчества Айги, когда смерть и поэзия воплощали деформирующую, разрушающую пространство силу, являлись «подготовкой» для «строительства» новой культуры.

В позднем периоде творчества Айги преодолевает футуристическую концепцию «самовитого» слова: «Само по себе слово ничего не может, оно мертво... и, только действуя, оно начинает работать... все зависит от того, в какие пространственные отношения ты его ставишь с другими словами» [9]. Смерть как акт творчества воплощается в деконтекстуализации, оживляющей восприятие (трансформация «32-страничной книжечки в стихотворную книгу «Мир Сильвии», 1992), в декодировании поэтического языка.

Мортальный дискурс в творчестве Айги выражает синтез восточного восприятия реальности в пограничном состоянии жизни-смерти, сна-яви, бытия-«небытия». Смерть для Айги – это и итог поэтического откровения, прорыв к «миру-чистоте», и процесс постоянной деконтекстуализации, поиск лирического «я» как «несостоявшегося святого».

Стремление лирического субъекта Сосноры к максимальной свободе от любых дискурсов выражается в

существовании эстетического субъекта на грани жизни и смерти, в пространстве внутренней маргинальности, в поиске вектора свободы.

Цикл эссе «Камни NEGEREP» – заключительный в сборнике «Девять книг», это саморефлексия творческого акта, в том числе и в моральном аспекте. В эссе «Апология самоубийства (Конспект книги)» жанр апологии может быть интерпретирован в ироническом контексте: как противопоставление теологии и телеологии, как смещение центра биографического жанра с «жизни замечательных людей» на «самоубийство». Апология как жанр защиты снижается таким жанровым определением эссе, как «Конспект книги».

Самоубийство трактуется как максимально обострённое бытие-в-мире, оказывается не бегством от жизни, но сама жизнь, центрированно направленная к финалу как экзистенциальное бытие-к-смерти. «Русская жизнь безвариантна, впереди у нас один рай, т.е. смерть» [12].

Коллизия смерти воплощается в творчестве Сосноры как событие духовной реальности («Я оставил последнюю пулю себе...», «Бессонница», «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...») или убийство («Мой милый», «Выхожу один я. Нет дороги...») и как событие письма – разрушение живого при переводе его в текст.

Мотив смерти текста как рождения симулякра получает развитие в стихотворении «Из поэмы «Антипигмалион» (цикл «Книга Юга», 1963), во второй части которого, озаглавленной «Похороны», происходит расслоение симулякров на нескольких уровнях. На эмпирическом уровне появляется гроб как центральный атрибут похоронного ритуала, но его выражение с использованием элементов высокого стиля («Мы гроб владели на себе, / сосредоточенно владели / за восемь ручек в серебре») задаёт две линии дальнейшего развития – торжественность, сакральность и ироническая профанация. На субъектно-объектном уровне возникает подобная амбивалентность – лирический субъект выражен местоимением множественного числа «мы» («Мы хоронили. Мы владели»), но расшифровка местоимения происходит в ироническом контексте. Декодируя местоимение «мы», Соснора даёт определение каждому действующему лицу, используя пародийные приёмы: это и приём маркировки человека через его функцию («деятель культуры», «два представителя от общества», «распространитель знаний»), и одномерное раскрытие личности каждого через навешивание ярлыков: «деятель культуры / (всё знал: от культа до Катутла)». Столь подробная расшифровка понятия «культура» определяется интенцией на профанного читателя, что оборачивается профанированием самого ролевого субъекта и свойственным авангардному (и шестидесятилетнему) сознанию низложением самой культуры как конъюнктуры, набора ярлыков, словарных статей, симулякров. Соснора снижает не только культурный аспект, но и сакральную основу похоронного ритуала в лице «распространителя знаний», поступки которого амбивалентны – это и претензия на возвышенность («переходящее он знамя / на гроб священо возложил»), и сниженность действия, выраженная в банальном подтексте ритуального питья, узаконенного смешения события смерти и жизни как карнавала и, как следствия, нетрезвой походки («вычёркивая виражи»).

Апофеоза похороны достигают в момент скрещивания двух уровней – авторского развенчивания события смерти и всей разыгрывающейся вокруг него мистерии через признание конъюнктурности, формальности происходящего («Оформлен ритуал нормально...») и доведения ситуации до абсурда («Но позабыли мертвеца!»). Вторая часть стихотворения из описания ритуала похорон обращается к описанию торжества смерти над жизнью: «Царил мертвец на перекрёстке, / похожий на милиционера...» Эти строки включают и иронию над русской философией и символизмом, и над советской действительностью, политикой, идеологией и культурой. Соснора использует приём снижения сакрального с помощью пародийных сравнений («Царил мертвец... похожий на милиционера»), реализуя через мертвеца функцию витии, несущего слово, являющегося творцом и главным объектом русской философии: «Мертвец о чести и о счастье / обобществляюще вещал». В сопоставлении с мертвецом-мессией возникает образ народных масс, противоречащий толстовско-блоковской традиции, у Сосноры это безликое *das Man*, толпа: «Остановились.../ Мертвецу/ серьёзным образом... молиться...». Неспособность к индивидуальной рефлексии порождает в человеке толпы фанатизм, омертвление.

Автор акцентирует внимание на происходящей скажочно-мифологической подмене бытия и небытия, живого и мёртвого, когда живые замирают, отмирают,

погружаются на уровень физической и духовной стагнации, а мертвец – «царит», «вещает», оказывается рулевым – «милиционером». «Похороны» можно интерпретировать как тризну по прославленной «русской душе», русской культуре, утратившей не только способность к рефлексии, внутренне прозрение, но и все прочие органы чувств и собственное «я». То, что нормы «чести и счастья» задаёт Мертвец, отражает абсурдность, невозможность разграничения добра и зла, тотальную несвободу индивидуального личностного «я», когда закрыт последний выход – смерть.

Пространство существования авангарда можно определить как «ламинарное – пограничное и буйное одновременно освобождение от всех вариантов структурной упорядоченности», оно «полноценно только тогда, когда окружено знанием смерти» [13]. Динамизм авангарда «сбрасывает» омертвевшие культурно-эстетические формы, находясь в состоянии постоянного саморазрушения. Но если для классического авангарда прагматический, антиэстетический уровень был единственной возможностью существования, то неоавангард второй половины XX в. существует в экзистенциальном состоянии саморефлексии как попытке обретения собственного лирического «я» в бытии-в-мире. На основе проведённого анализа можно утверждать, что моральный дискурс выступает моделью неоавангардного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрушенко О.* Латинско-русский словарь. М.: Греко-лат. кабинет, 1994. С. 399.
2. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1996. С. 328.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. С. 105.
4. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // *Страх и трепет*. М.: Республика, 1993. С. 252.
5. *Большов О.Ф.* Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 128.
6. *Эпштейн М.* Парадоксы новизны О литературном развитии XIX–XX вв. М.: Сов. писатель, 1988. С. 399.
7. *Айги Г.* Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус-ПРЕСС, 2001. С. 85.
8. *Литературное обозрение*. 1998. № 5–6. С. 18.
9. *Сергеев С., Айги Г.* Поэзия, как снег, существует всегда... // *НЛЮ*. 2003. № 62. С. 68.
10. *Бланиш М.* Пространство литературы. М.: Логос, 2002. С. 150.
11. *Янечек Дж.* Геннадий Айги // *Лит. обозрение*, 1998. № 5, 6. С. 41.
12. *Соснора В.* Девять книг. М.: НЛЮ, 2001. С. 340.
13. *Липовецкий М.* Изживание смерти. Специфика русского постмодернизма // *Знамя*. 1995. № 8.

Статья поступила в редакцию журнала 11 декабря 2006 г., принята к печати 27 декабря 2006 г.